

УДК 330.3

США – ЯПОНИЯ: МЕЖДУ НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЁРЛ-ХАРБОРОМ

© 2015 г. **М.Г. Носов***

Институт Европы РАН, г. Москва

Период между началом Второй мировой войны (сентябрь 1939 г.) и японским нападением на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. был самым напряжённым за всю историю американо-японских отношений. Будущее этих отношений зависело от подвижек внутри четырёхугольника Вашингтон – Токио – Москва – Берлин. После начала Второй мировой войны США и Япония, а также СССР, которые не были формальными её участниками, оказались перед необходимостью определения дальнейшего политического курса. Свой выбор Япония сделала, напав на американскую военную базу в Пёрл-Харборе.

Ключевые слова: *США, Япония, СССР, Германия, Вторая мировая война, эмбарго.*

После 1 сентября 1939 г. США, сохраняя формальный нейтралитет, заняли позицию полной моральной и экономической поддержки Великобритании, с каждым месяцем усиливая экономические санкции в отношении Японии. В Вашингтоне не знали, как будут складываться отношения США ни с Японией, ни с СССР. В Токио не представляли себе будущего отношений с США и СССР. К тому же, ни в Вашингтоне, ни в Токио, даже несмотря на заключение в августе 1939 г. Пакта о ненападении между Москвой и Берлином, не представляли, какая из сторон этого соглашения первой нарушит его ненадёжные гарантии**.

Сегодня намного проще анализировать ход открытых и конфиденциальных дипломатических переговоров, которые шли накануне Второй мировой войны и после её начала в Москве, Вашингтоне, Токио и Берлине, поскольку нам известны их конкретные результаты. До нападения Германии на СССР, когда определилась антигитлеровская коалиция, внутри четырёхугольника шли напряжённые переговоры, окончательный исход которых был неясен даже самим их участникам. После 22 июня 1941 г. в этом глобальном уравнении един-

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Продолжаем публиковать цикл статей об истории развития отношений США и Японии. См.: «США ❖ Канада». 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4 и 11; 2013: № 7, 12; 2014: № 8. – *Ред.*

** Исключением из политической неопределённости был Берлин, где понимали, что США неизбежно поддержат Великобританию, а СССР рано или поздно станет объектом германской агрессии. Что касается германо-японских отношений, то их рассматривали как союзнические, но не слишком важные для Германии.

ственным «неизвестным» осталась Япония, которая всё ещё окончательно не определилась с выбором направления агрессии.

После начала Второй мировой войны президент Франклин Делано Рузвельт продолжал обещать американцам, что стране удастся избежать войны. В конце своего радиообращения к стране 3 сентября 1939 г. президент сказал: «Я надеюсь, что Соединённым Штатам удастся избежать войны, я верю, что нам это удастся». Но при этом он добавил: «Однако я не могу просить каждого американца быть нейтральным в мыслях; даже нейтральный человек имеет право на понимание фактов, даже нейтрального человека нельзя вынудить не думать или не иметь совести» [26].

В октябре 1939 г. посол Грю вернулся в Токио после отпуска в США и выступил с речью перед Американско-японским обществом, которую он назвал «Из первых уст», поскольку, по его собственным словам, он изложил своим японским друзьям точку зрения президента, госсекретаря и членов американской администрации. Суть выступления касалась «непонимания американцами "нового порядка в Восточной Азии"», который в итоге «урезает и выхолащивает» американскую политику «открытых дверей» в Китае и «многие предпринятые шаги, принося вред Соединённым Штатам, делают эти меры абсолютно бессмысленными» [16, р. 293].

Ответом на это выступление было заявление министра иностранных дел Японии Номура Кисисабуро о том, что «стремление Японии установить новый порядок в Восточной Азии" слишком сильно, для того чтобы вмешательство третьей стороны могло изменить его или оказать на него влияние» [24, р. 180].

Япония всё больше ощущала политическую изоляцию. Бесконечная война с Китаем ослабляла её экономику, что создавало благодатную почву для роста национализма и милитаризма. В мире, разделённом на западные демократии и тоталитарные государства, Япония всё больше склонялась к союзу с Германией и Италией, несмотря на то что за исключением идеологии интересы этих стран практически не пересекались.

Квасисоюзнические отношения с фашистскими государствами, с которыми Япония была связана Антикоминтерновским пактом, долгое время не рассматривались в Токио как основа политической и военной стабильности. За подписание нового и более обязывающего соглашения о союзе между Германией, Италией и Японией, идея которого была выдвинута ещё в конце 1938 г. Риббентропом*, в Японии выступала прежде всего армия, считавшая, что союз с Германией позволит японцам оказывать давление на Англию, Францию и СССР. С точки зрения сторонников союза с Германией сближение с Берлином укрепляло позиции Токио в отношениях с США. Против союза с Гитлером выступали флот и МИД, считавшие, что в случае войны Германии с Францией и Великобританией Япония будет вовлечена в неё, что неизбежно вызовет участие США в этом глобальном конфликте. Военно-морской министр Ёнаи Мицумаса считал, что такой союз никаким образом не будет способствовать решению китайской проблемы, что породит серьёзные трения с Великобританией и США. Он был убеждён в том, что «Германия и Италия не ищут союза

* В 1938 г. Риббентроп заявил: «Укрепление нашей дружбы с Италией и Японией и в дополнение к этому привлечение на нашу сторону стран, интересы которых прямо или косвенно совпадают с нашими, является важным шагом в деле подготовки страны к войне с Британией и Советским Союзом» [9, р. 292-293].

с Японией исходя из добрых побуждений. Они исходят из стремления использовать Японию в своих интересах» [8, р. 72].

В ходе переговоров с Берлином Япония предложила ограничить своё участие в договоре совместным участием только в войне между Германией и СССР, что было сразу же отвергнуто Германией [12, р. 65]. После неожиданного для Токио подписания советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. кабинет Хиранума Киитиро подал в отставку, поскольку решение Берлина кардинально противоречило позиции тех, кто выступал за союз с Германией. Посол Японии в Берлине Осима Хироси встретился со статс-секретарём МИД Германии Эрнестом Вейцзеккером и сообщил ему, что подписание пакта «вызвало некоторый шок в Японии». В ответ он получил заверения в том, что соглашение «не направлено против интересов Японии», а в определённой степени явилось результатом отказа Токио заключить тесный союз с Германией. По словам Вейцзеккера, «Берлин уже полгода ждёт ответа со стороны Японии» [32, р. 71].

На некоторое время вопрос о Тройственном союзе был снят с политической повестки дня. Однако в условиях начавшейся в Европе войны и военного поражения Польши, Франции и других европейских стран, Япония приняла решение вернуться к сотрудничеству со странами оси, что окончательно определило её место в складывающейся расстановке сил на мировой арене. Очевидные успехи Германии в Европе рассматривались в Токио как призыв к действию и возможность использовать свой шанс расширить сферу влияния в Азии, против Берлину неожиданный для Японии Пакт о ненападении с СССР.

В июле 1940 г. новым министром иностранных дел во втором кабинете Коноэ стал Мацуока Ёсукэ, горячий сторонник заключения соглашения с Берлином*. Формулируя идеологию японской внешней политики, министр считал возможным одновременное существование японского «нового порядка» в Азии и сохранение дружественных отношений с США. Достижение этого виделось ему в разделении мира на зоны влияния, где «Япония будет доминировать в Азии, Германия и Италия в Европе (и Африке), зона СССР будет включать Индию и Иран, а Австралия и Новая Зеландия могут отойти к Великобритании» [19, р. 209].

В начале сентября 1940 г. в Токио приехал советник Риббентропа Генрих Штаммер для согласования условий соглашения. И Япония, и Германия рассматривали будущее соглашение как возможность предотвратить американское вмешательство в войну в Европе и в Азии. Немецкая сторона всячески подчёркивала, что соглашение будет направлено на сдерживание США, в чём была заинтересована Япония.

«Только сильная и решительная, чёткая и безошибочная позиция Японии, Германии и Италии, которая известна как США, так и всему миру, находящемуся на распутье, может стать мощной и эффективной силой сдерживаю-

* Для решения задачи подписания соглашения с Берлином Мацуока провёл широкую кадровую чистку в МИД. На встрече в конце августа 1940 г. в американском посольстве в Токио с приехавшим туда послом США в Москве Стейнхардтом Мацуока сказал, что он собирается отозвать домой многих японских послов, поскольку они, по его словам, «стали слишком прозападными и утратили связь с японскими реалиями». Были возвращены в Токио пять послов, 19 советников посланников, 16 советников и генеральных консулов, большинство из которых выступали против союза с Германией [13, р. 644-650].

щей США» [31, с. 900], – заявил 7 сентября 1940 г. Штаммер, начав переговоры с Мацуока.

27 сентября 1940 г. в Берлине министрами иностранных дел Германии Иоахимом Риббентропом, Италии – Галеаццо Чиано и послом Японии в Берлине Курусу Сабуро* был подписан Тройственный пакт, срок действия которого составлял 10 лет. Позже к нему присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария.

Первая статья нового договора гласила, что «Япония признаёт и уважает ведущую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе», а вторая отмечала, что «Германия и Италия признают и уважают ведущую роль Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии». Статья 3 Пакта гласила, что «Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе. Если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами»**.

США с самого начала выступали против присоединения Японии к оси Берлин – Рим. Госсекретарь Хэлл ещё в феврале 1940 г. дал инструкции послу в Токио Грю попытаться убедить японцев в том, что «выгодные и дружеские отношения между народами мира и принятие политики, которая служит расширению таких отношений, а не их сужению служат интересам всех стран, включая Японию» [15, р. 163] Тем не менее, для американского посла подписание пакта явилось сюрпризом и он направил телеграмму в Госдепартамент с горькой жалобой на то, что его не информировали о происходящем на основании сообщений из Берлина и Рима. По образному выражению Грю, это поставило его «в положение человека стреляющего из темноты в темноту» [13, р. 652-653].

Подписание Тройственного пакта, очевидно, не способствовало улучшению отношений между США и Японией, тем более, что Вашингтон после начала Второй мировой войны взял на себя обязательства помогать Великобритании, воевавшей против двух из трёх членов нового союза. Для пока ещё нейтральных США оставался открытым вопрос о характере и масштабах взаимопомощи участников соглашения***.

* Посол Осима вернулся в Токио в сентябре 1939 г., после подписания Пакта о ненападении между СССР и Германией, но по настоянию Гитлера весной 1941 г. вернулся в Берлин, где оставался послом Японии вплоть до мая 1945 года.

** Японии удалось сохранить определённую свободу военного выбора, поскольку секретное приложение к договору, позволяло странам самим определять свои действия в случае, если один из партнёров по союзу подвергся нападению. В письмах, которыми по инициативе Японии обменялись при обсуждении договора министр иностранных дел Мацуока и германский посол в Токио Евгений Отт, оговаривалось, что «факт нападения должен быть определён участниками договора путём взаимных консультаций». Тем самым Япония оговаривала определённую самостоятельность при решении выступить на стороне Германии в случае её войны с США или с СССР. При этом статья 5 пакта гласила, что соглашение «не затрагивает политического курса, существующего в настоящее время между каждым из трёх участников пакта и Советским Союзом».

*** В сентябре 1940 г. США заключили соглашение с Великобританией об обмене американских эсминцев на использование английских военных баз в Атлантике.

В ситуации неопределённости политического курса в отношении Америки Япония пыталась балансировать между угрозами и заверениями в собственном миролюбии. Ещё в марте 1940 г. японский министр иностранных дел, выступая на заседании бюджетного комитета нижней палаты парламента, заявил, что направленные на борьбу с коммунизмом отношения между Японией, Германией и Италией «не имеют в своей основе противостояния с Британией, Соединёнными Штатами и другими демократиями» [15, р. 164]. Сразу же после подписания Тройственного пакта МИД Японии кардинально изменил политические акценты. В беседе с сотрудником американского посольства заместитель министра иностранных дел Охаси Тюити заявил, что «пакт направлен прямо против США, которые с момента принятия закона "Об иммиграции" проводили политику, направленную против необходимой и неизбежной японской экспансии, тогда как англосаксонская идеология обанкротилась и будет сметена в пользу тоталитаризма и естественным является то, что Япония присоединяется к тем странам, которые выступают за новый порядок в международных отношениях» [13, р. 659].

В дальнейшем Япония пыталась умерить опасения Вашингтона. В апреле 1941 г. министр иностранных дел Мацуока отправился через Транссиб для переговоров в Берлин и Рим. На обратном пути будучи в Москве (8 апреля) он приехал в американское посольство на завтрак. В ходе встречи с послом Лоренсом Стейнхардом Мацуока заявил, что, «признавая приверженность обязательствам, вытекающим из Тройственного пакта, Япония не связана никакими обязательствами перед Берлином и Римом, поскольку её присоединение к странам оси направлено исключительно "на сохранение мира"». Более того, по словам Мацуока, «Гитлер предложил ослабить антиамериканскую пропаганду в Японии. Однако в случае если США объявят войну Германии, Япония должна объявить войну США, но только после консультаций с Берлином» [14, р. 933].

В Вашингтоне крепла уверенность в неизбежности столкновения между державами оси и США. В сентябре 1940 г. Хэлл сделал заявление о том, что «Гитлер становится безжалостным и чрезвычайно разрушительным завоевателем Европы, а японская военная клика встала на тот же путь на Тихом океане от Гавайев до Сиам» [25, р. 181].

Тем не менее, реакция американцев на Трёхсторонний пакт оказалась достаточно сдержанной. В США шла предвыборная президентская кампания, и Рузвельту, баллотировавшемуся на третий срок, приходилось оглядываться на позицию изоляционистов, которые считали, что радикальные шаги по сдерживанию японского экспансионизма могут привести к войне. Осторожную позицию занимали и американские военные, считавшие, что страна пока ещё не готова к войне. Они выступали против как дислокации флота в Пёрл-Харборе, так и его посылки на защиту Сингапура, о чём в октябре 1940 г. просил Черчилль*.

Перевод американской экономики на военные рельсы требовал времени и политического решения. Из 184 тыс. американских промышленных фирм воен-

* Просьба английского премьера была поддержана министром обороны Стимсоном и послом Грю, но против выступили командующий Тихоокеанским флотом Джеймс Ричардсон, начальник штаба ВМС адмирал Гарольд Старк и начальник генерального штаба Джордж Маршалл, считавшие что подобные действия ослабят обороноспособность страны и могут спровоцировать нападение Японии. Рузвельт принял компромиссное решение – флот был оставлен в Пёрл-Харборе, но не был послан в Сингапур [26, р. 424-436].

ным производством были заняты не более 150 компаний [2, с. 328]. Принятый в апреле 1939 г. закон «О национальной обороне» одобрил строительство 5500 самолётов для ВВС. В 1940 г. Рузвельт определил численность самолётов для армейской авиации в 36,5 тыс. и 13,5 тыс. – для флота. Годовое производство самолётов должно было составлять 50 тысяч. В 1941 г. численность ВВС выросла до 125 тыс. человек и 6777 самолётов, среди которых было 120 тяжёлых, 903 лёгких и средних бомбардировщиков, 1018 истребителей [9, р. 24]. В июле 1940 г. Конгресс принял закон «О флоте двух океанов», который предусматривал увеличение тоннажа судов на 70%. Предполагалось построить 18 авианосцев, 6 линкоров, 33 крейсера, 115 эсминцев, 43 подводные лодки [35, р. 1541].

Несмотря на то что экономический и ресурсный потенциал Японии был несопоставим с американской экономической мощью, на Тихоокеанском театре флот и авиация Японии значительно превосходили силы США, которые дислоцировали здесь три из семи имевшихся в составе флота авианосцев против 10 японских. Япония имела 10 линкоров, 18 тяжёлых крейсеров, 20 лёгких крейсеров, 112 эсминцев. Тихоокеанский флот США располагал 8 линкорами, 13 тяжёлыми крейсерами, 10 лёгкими крейсерами, 56 эсминцами. В 1941 г. Япония произвела 3200 боевых самолётов, тогда как США всего 1400 [28, р. 26]. Япония в 1941 г. имела более 2275 самолётов, США – на тихоокеанском театре – 880. По количеству дивизий соотношение было 11 к 9 в пользу Японии [1, с. 61]. Даже учитывая, что значительная часть японских сухопутных сил и авиации была занята войной в Китае, существовавшее японское военно-морское преимущество определяло сдержанность американских военных и политиков.

США стремились не допустить вторжения Японии в азиатские колонии европейских стран, но сделать это они рассчитывали, избежав войны. Токио, планируя захватить европейские колонии, тоже пока не хотел открытого военного противостояния. Американского вмешательства в действия Японии в Юго-Восточной Азии серьёзно опасались представители японского флота, считавшие, что военные действия в этом регионе неизбежно приведут к американскому вмешательству и столкновению с базировавшимся в Пёрл-Харборе американским флотом. В докладе, представленном ВМС на совещании у императора 27 июля 1940 г. перспективы войны с США оценивались крайне пессимистично. В нём говорилось: «Если в течение четырёх месяцев не удастся захватить нефть в Нидерландской Индии (Индонезии) и создать условия для перевозки её в Японию, то продолжать войну при полном эмбарго на поставки нефти из США будет невозможно. Даже, если это удастся сделать, Япония сможет вести войну не более года. В случае если она будет продолжаться дольше, наши шансы победить будут равны нулю» [23, р. 247-248].

Война в Европе привела к активизации провозглашённого в ноябре 1938 г. «нового порядка» в Азии. После оккупации Нидерландов немцами в мае 1940 г. и Франции – в июне Япония приступила к реализации планов захвата европейских колоний в Азии. 25 июня министр армии Хата Сюнроку заявил: «Важно не упустить золотого шанса, и ничто не должно стоять на нашем пути» [22, р. 207]. В планы военных входил не только захват Французского Индокитая (Вьетнама) и Нидерландской Индии, но и английских колоний на Дальнем Востоке, включая Сингапур.

В апреле 1940 г. министр иностранных дел Японии Арита Хатино «выразил озабоченность» по поводу сохранения статус-кво Нидерландской Индии. В ответ госсекретарь Хэлл, хорошо понимая интерес Японии к оставшейся без присмотра территории, предупредил Токио о том, что «любое нарушение статус-кво будет рассматриваться как угроза стабильности не только в Нидерландской Индии, но и во всём Тихоокеанском регионе» [25, р. 92].

На совещании у императора 27 июля 1940 г. была принята представленная новым министром иностранных дел Мацуока «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». Она предусматривала «активные меры по включению колоний Великобритании, Франции, Нидерландов и Португалии в сферу японского "нового порядка" в Восточной Азии» и, очевидно, противоречащую этому «твёрдую решимость устранить вооружённое вмешательство США» в этот процесс. Одновременно было принято решение начать переговоры с СССР о заключении соглашения о ненападении и об укреплении союза с Германией и Италией [22, 23].

В июле 1940 г. японцы начали переговоры с французским правительством в Виши о вводе войск в северный Индокитай. Японцы предложили сохранить Вьетнам как французскую колонию, взяв под свой контроль военные вопросы. У премьер-министра Петена особого выбора не было, и 24 июля 1941 г. Япония добилась «разрешения обеспечить безопасность Индокитая»; в сентябре японские войска заняли север Вьетнама под предлогом создания военных баз для действий против Китая и прекращения снабжения армии Чан Кайши через территорию Индокитая.

Для противодействия японской агрессии Вашингтон располагал двумя реальными возможностями: нефтяным эмбарго и использованием угрозы военного вмешательства. Что касается прекращения поставок нефти в Японию, то после долгих обсуждений в июле 1940 г. администрация приняла решение пока не идти на этот шаг, поскольку в Вашингтоне опасались, что это может спровоцировать Японию на захват Нидерландской Индии, чего США не могли допустить.

Американцы продолжили политику введения поэтапных санкционных мер в отношении Японии. В январе 1940 г. прекратил своё действие американо-японский договор 1911 г. «О торговле», а введённые в 1938–1939 гг. «моральные» санкции на экспорт самолётов, вооружений, молибдена, алюминия и авиационного топлива стали носить обязательный характер. В июле того же года был принят закон «О национальной обороне», позволявший администрации США запрещать или разрешать экспорт товаров объявленных жизненно важными для национальной обороны; следом было введено эмбарго на авиационное топливо, смазочные материалы и определённые виды металлолома. В сентябре 1940 г., после того как Япония подписала соглашение о Тройственном союзе, был введён запрет на экспорт авиационного топлива и металлолома. Той же осенью с перевесом в один голос Рузвельт провёл через Конгресс решение о призыве на военную службу и мобилизации Национальной гвардии, что никогда раньше не делалось в мирное время. В декабре 1940 г. было введено эмбарго на экспорт металлов, на железную руду, сталь и изделия из неё. В январе 1941 г. эмбарго было распространено на медь, латунь, бронзу, цинк, никель и поташ. Список запрещений расширялся с каждым месяцем. Что касается прекращения поставок нефти в Японию, то после долгих обсуждений в июле 1940 г. администрация приняла решение пока не идти на этот шаг, по-

сколькx в Вашингтоне опасались, что это может спровоцировать японцев на захват Нидерландской Индии, чего США не могли допустить.

В конце 1940 г. и в начале 1941 г. внутренняя и внешняя политика США сталкивалась с серьёзными вызовами. В Европе и на севере Африки шла война, складывавшаяся не в пользу союзников Соединённых Штатов. Кандидат на третий президентский срок Рузвельт убеждённо уверял избирателей в том, что США смогут избежать вовлечения в войну, тогда как его соперник Уэнделл Уилки балансировал между изоляционистами и теми, кто занимал более радикальную позицию в отношении гитлеровской агрессии.

Тем не менее, после победы на выборах Рузвельт встал на позицию противодействия нарастающим угрозам в Европе и в Азии со стороны стран Тройственного союза. Президент увеличил военный бюджет, начал программу помощи Великобритании, создав систему ленд-лиза, и ужесточил санкции в отношении Японии.

Отношения между США и Японией с каждым месяцем становились всё более напряжёнными. В Токио понимали, что США рано или поздно окажут противодействие японской экспансии в Азии и никогда не смирятся с действиями японцев в Китае. 15 января 1941 г., выступая в комитете по иностранным делам Палаты представителей госсекретарь США К. Хэлл, говоря о политике Японии в Азии, сказал, что «новый порядок в Тихоокеанском регионе означает политическое доминирование одной страны» [11, р. 329]. В Токио, вероятно, хорошо понимали неприемлемость японских планов Вашингтоном, однако считали, что вовлечение США в проблемы Европы явится гарантией их сдержанности в применении силы.

В этих условиях обеими сторонами было принято решение начать процесс поиска выхода из ситуации, ставящей страну на грань войны. Одной из последних попыток найти решение противоречий между Вашингтоном и Токио явились переговоры посла Японии в США Номура Кисисабуро с госсекретарём Хэллом, которые начались в апреле 1941 г. и шли практически до нападения Японии на Пёрл-Харбор.

Переговоры были инициированы двумя католическими миссионерами Джеймсом Уолшем и Джеймсом Драутом из Общества Маринолл*. Осенью 1940 г. они отправились в Японию, где предложили влиятельному японскому банкиру и попечителю Центрального банка ассоциации промышленников Икава Тадао (долгие годы работавшему в Нью-Йорке и женатому на американке) инициировать переговоры о выходе американо-японских отношений из тупика. При этом они, без особых на то оснований, убедили его в том, что действуют с согласия президента и американской администрации. К переговорам был подключён начальник разведшколы японской армии полковник Ивакуро Хидео, обладавший широкими связями в военных кругах.

После обнадеживающих бесед с премьером Коноэ и министром иностранных дел Мацуока, миссионеры вернулись в Вашингтон, где через католика, министра почт Франка Уолкера передали предложения японского руководства президенту Рузвельту. Рузвельт встретился с главой миссии Уолшем, а представленные предложения передал госсекретарю Хэллу с резолюцией, «Что ты думаешь по этому поводу?». Хэлл принял решение начать переговоры, и Уолш

* Маринолл – название района большого Нью-Йорка, где находилась штаб-квартира миссии. Созданная в 1911 г. миссия имела широкие связи в Японии и Китае.

отправил Икава телеграмму со словами – «по результатам встречи с президентом надеюсь на прогресс, жду развития событий» [34, р. 68-69].

Решение о начале переговоров было принято, и 27 ноября 1940 г. послом в США был назначен бывший министр иностранных дел в кабинете Абе адмирал Номура. 11 февраля 1941 г. он прибыл в Вашингтон с полномочиями вести переговоры с США об урегулировании конфликтных ситуаций. Перед началом переговоров с Номура Хэлл оценивал шансы на успех как один к ста. Тем не менее, администрация приняла решение сделать всё возможное для реализации этого единственного шанса, хотя Хэлл был уверен в том, что в переговорах Америка «не сможет пожертвовать основными принципами, что сделало бы мир иллюзорным» [17, р. 986].

Выбор Номура главным переговорщиком определялся многими факторами. Морской офицер, он был военно-морским атташе в Вашингтоне с 1914 по 1918 г. (представлял флот во время Версальской и Вашингтонской конференций), министром иностранных дел, имел репутацию либерала и сторонника тесных отношений с США, говорил по-английски* и, наконец, лично знал президента Рузвельта. 12 февраля 1941 г. состоялась первая встреча посла с госсекретарём, а через два дня Номура был принят Рузвельтом, который сердечно принял адмирала, и оба тепло вспомнили о своих прежних встречах. Тем не менее, президент отметил ухудшение отношений между двумя странами и выразил озабоченность японской агрессией в Индокитае и присоединением Японии к державам оси. Номура, в свою очередь, обещал сделать всё возможное для улучшения отношений между двумя странами.

В переговорах с американцами Номура занимал позицию сторонника дружбы с США, противопоставляя себя милитаристам. В своей первой беседе с президентом Рузвельтом 14 февраля посол назвал находящихся у власти в Японии милитаристов «шовинистами» и главным препятствием на пути к цели, которую посол и те, кто разделяет его взгляды, хотели бы достичь. По его словам, он собирался сделать всё возможное для сохранения и укрепления мирных и дружеских отношений на основе взаимопонимания между двумя странами. При этом, по оценке Хэлла, участвовавшего во встрече, «Номура создал ощущение, что его правительство разделяет цели, которые он столь искренне изложил» [11, р. 387]. Во многом это отражало ситуацию, сложившуюся в Токио, где действительно шла борьба между военными и либералами. По оценке министра иностранных дел Того Сигэнори, Япония с самого начала не ожидала позитивных результатов от переговоров в Вашингтоне. Перед министерством стояло две задачи: «Во-первых, выторговать у США смягчение их позиции... и, во-вторых, убедить... собственное военное командование в необходимости пойти на уступки» [4, с. 291].

До 7 декабря 1941 г. между Хэллом и Номура, к которому 17 ноября 1941 г. присоединился ещё один посол по особым поручениям Курусу Сабуро**, состоялось более 40 встреч между послами и госсекретарём и несколько встреч с

* Хэлл не слишком высоко оценивал английский язык Номура. По его словам, «он говорил иногда на понимаемом, но иногда не совсем понимаемом английском» [17, с. 1055].

** Карьерный дипломат Курусу 6 лет был японским консулом в Чикаго, где женился на американке. В сентябре 1940 г., будучи послом в Берлине, он подписал Тройственный пакт. Ко времени его приезда в Вашингтон уже было принято решение об отправке японского флота в направлении Пёрл-Харбора.

президентом Рузвельтом. Однако достичь соглашения стороны так и не смогли. Главным противоречием был категорический отказ Японии вывести свои войска из Китая и Индокитая, а без этого Вашингтон столь же твёрдо отказывался от любых компромиссов.

Ведя переговоры, американцы находились в более выгодном положении, чем их японские партнёры, поскольку разведка США не только перехватывала всю переписку японских переговорщиков с Токио, но расшифровывала и переводила её на английский быстрее, чем это делали сотрудники посольства. Для Хэлла переговоры были абсолютно предсказуемыми, поскольку он заранее знал всё, что скажет Номура и, по его собственным словам, ему стоило больших усилий делать вид, что речи посла он слышит впервые.

Номура, Хэлл и Курусу

В основу переговоров с Японией США положили четыре принципа. Во-первых, уважение территориальной целостности и суверенитета каждого и всех государств; во-вторых, принцип невмешательства во внутренние дела других стран; в-третьих, принцип равенства, включая равенство торговых возможностей; в-четвёртых, отказ от нарушения статус-кво в Тихоокеанском регионе, за исключением случаев, когда это делается мирными средствами [15, р. 332-334].

Со своей стороны, Номура заявил о неприемлемости принципа равенства в отношении Китая и других стран Азии, сославшись на то, что США, имея «особые» отношения со странами Латинской Америки, отказывают Японии в этом праве в отношении стран Азии. В ответ было сказано, что действия США в южной части Америки по созданию системы «более тесных отношений между... странами направлены исключительно на обеспечение общей обороны полушария» [17, р. 995]. Этот тезис не без оснований показался Номура не слишком убедительным*. Он отметил, что принятие американских требований, с точки зрения Японии, было бы равносильно капитуляции. Отвергнув требования Госдепартамента, Япония обратилась к Рузвельту с просьбой убедить Чан Кайши заключить мир с Японией на условиях сохранения независимости Китая, но с обязательством в дальнейшем сотрудничать с Японией. США отвергли это

* 15 сентября 1932 г. в день, когда Япония официально признала Маньчжоу-го, спикер японского МИДа Сиратори Тосио в ответ на вопрос американского корреспондента, почему Токио так долго не признавал новое государство, едко заметил, что «Япония не собиралась там строить канал». Это был прямой намёк на то, что американцы в ноябре 1903 г. оказали прямую военную помощь сторонникам отделения Панамы от Колумбии, и после провозглашения её независимости в первый же день признали новое государство, а затем получили монопольное и неограниченное по времени право на строительство, эксплуатацию и защиту Панамского канала. Как писала газета «Асахи» 22 ноября 1932 г. о действиях Японии в Маньчжурии, «США сами создали прецедент для подобной политики своими действиями в Панаме и на Кубе».

предложение, исходя из того, что японские предложения противоречат сами себе, поскольку независимость несовместима с принуждением к сотрудничеству.

Параллельно в феврале 1941 г. шли переговоры между Уолшем и приехавшим в Вашингтон по прямому поручению премьер-министра Коноэ Икава Тадао. В ходе переговоров 16 апреля стороны подготовили компромиссный документ. В нём стороны изложили своё видение возможности улучшения отношений. Проект предусматривал вывод японских войск из Китая и отказ от притязаний на его территорию. Проект был передан Номура, который обсудил его с госсекретарём Хэллом 14 апреля 1941 г. Ознакомившись с документом, госсекретарь сказал лишь то, что он содержит ряд пунктов, которые можно обсуждать [17, р. 995]. На вопрос Номура, стоит ли отправлять документ в Токио, Хэлл дал положительный ответ, что было ошибочно воспринято Номура как готовность принять проект за основу для дальнейших переговоров.

Воспринятый в Токио как официальный документ администрации США, проект был дважды обсуждён на совместном заседании кабинета и двора и признан хорошей основой для дальнейших переговоров. Неожиданно против выступил вернувшийся из Европы Мацуока. Министр иностранных дел был окрылён успехом своих переговоров в Москве и Берлине и стремился развить успех собственной дипломатии. 3 мая он заявил, что доклад не может служить основой для переговоров, и прежде чем обсуждать его в Вашингтоне, Япония должна настоять на подписании с США договора о ненападении. Основным аргументом министра иностранных дел было то, что, поскольку «Германия и Италия добились военных успехов в Европе, любое американское вмешательство в войну лишь продлит её, породив новые страдания и разрушение цивилизации». Очередное совместное заседание кабинета и двора, хотя и не единогласно, но одобрило позицию Мацуока [8, р. 153].

Переговоры продолжались, но оставалась патовая ситуация. Американцы настаивали на принятии четырёх требований, а японцы категорически отказывались признать их основой для переговоров. К середине 1941 г. обстановка на Дальнем Востоке прошла линию невозврата. США воспринимали Японию как часть угрозы со стороны стран оси в контексте событий, происходящих в Европе. Вашингтон оказывал военную помощь Великобритании и принял решение уничтожать немецкие подводные лодки в Атлантике, которые топили американские суда, доставлявшие военные грузы в Великобританию. Японская угроза европейским колониям в Юго-Восточной Азии рассматривалась как казус белли, о чём и президент Рузвельт, и госсекретарь Хэлл неоднократно говорили послу Номура. Даже в случае отказа от экспансии в ЮВА сохранялась угроза нефтяного эмбарго, при этом Япония не была готова выполнить такие американские требования как вывод японских войск из Китая, что в реальности она не собиралась делать при любом развитии ситуации.

Ситуация на Дальнем Востоке стала ещё неопределённой после нападения Германии на СССР. Участие США в антигитлеровской коалиции выглядело ещё более очевидным, в то время как Япония окончательно не сделала выбора между северным и южным направлением удара. В списке потенциальных главных врагов Японии оставались и СССР, и США. Советский Союз был традиционным врагом Японии, коммунистической державой, страной, которая отступала под ударами гитлеровской армии*.

* 24 июня 1941 г. министр иностранных дел Японии Мацуока в ответ на вопрос посла СССР К. Сметанина о позиции Токио в связи с началом войны между СССР и Германией заявил, что

Мацуока подписывает Договор о нейтралитете

Гитлеровское нападение на СССР не было сюрпризом для Мацуока, которому ясно дали понять об этом во время его визита в Берлин, накануне подписания советско-японского Договора о нейтралитете. Другое дело, что немцы вновь отнеслись к своим союзникам довольно небрежно – о начале войны японцы узнали лишь из средств массовой информации. Выступая 25 июня на заседании координационного комитета японского правительства и ставки Мацуока заявил: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться победой, ничего не сделав для неё» [3, с. 233].

Противоположной позиции придерживался премьер-министр Коноэ, считавший, что «Советский Союз был втянут в англо-американский лагерь», и Япония должна вернуться к политике нормальных экономических и политических отношений с Америкой [20, р. 241].

США достаточно чётко определили свою позицию в отношении гитлеровской агрессии. В инструкциях Госдепартамента, направленных 27 июня послу США в Токио Грю, говорилось, что тот в беседах с ответственными лицами в Японии может довести до их сведения, что «гитлеровские армии рассматриваются как основная угроза для Америки и поэтому в основе политики США лежит помощь Великобритании и другим странам, ведущим борьбу с гитлеровскими армиями, что рассматривается как вклад в свою безопасность. Подобная помощь

«позиция японского правительства пока ещё не сформулирована и в значительной степени будет зависеть от оценки ответственности за начало войны. В основе политики Японии лежит союз с державами оси, а Пакт о нейтралитете имеет второстепенное значение и в силу этого японскому правительству придётся принять решение о том, как отношения с СССР согласуются с принципами японской политики» [12, с. 986].

будет приветствоваться вне зависимости от источника её происхождения. В силу этого, меры, которые... правительство может предпринять для помощи России, имеют единственную цель – обеспечить безопасность США и не представляет угрозы для стран, не вовлечённых в конфликт на стороне гитлеризма» [12, р. 998]. 6 июля 1941 г. Рузвельт направил телеграмму премьер-министру Коноэ, в которой выразил серьёзную надежду на то, что Япония не будет проводить враждебную политику в отношении СССР [14, р. 994-995].

Позиция самой Японии в отношении СССР изменилась после введения США нефтяного эмбарго. 24 июля 1941 г. Рузвельт принял посла Номура и предупредил его о том, что любые действия Японии по захвату Нидерландской Индии могут стать поводом для начала войны на Дальнем Востоке. В случае, если Япония воздержится от оккупации Индокитая, президент проявил готовность убедить правительства Китая, Великобритании, Нидерландов, вместе с США и Японией, опубликовать совместную декларацию о гарантиях нейтрализации Индокитая. Не получив ответа из Токио, 26 июля президент объявил о том, что Вашингтон замораживает все японские активы в США; это означало почти полное прекращение торговли между двумя странами.

28 июля 1941 г. японцы вошли в южную часть Вьетнама. В ответ США прекратили экспорт нефти в Японию. Однако дальнейшие события начали развиваться не по задуманному сценарию.

После того как в начале августа 1941 г. Рузвельт отправился на Ньюфаундленд, где встретился с Черчиллем, президент Комитета по иностранным фондам и помощник госсекретаря Дин Ачесон принял решение не выдавать лицензии на экспорт нефти в Японию. Он считал, что эмбарго не станет поводом для войны, поскольку «любой рациональный японец не может не понимать, что нападение на США обернётся катастрофой для Японии» [5, р. 796]. Пересматривать это решение, после возвращения президента в Вашингтон, не стали, поскольку это могло бы рассматриваться в Токио как уступка и даже «умиротворение».

Нефтяное эмбарго резко сократило для Японии возможности военно-политического выбора. Если раньше Генштаб параллельно разрабатывал план войны как с СССР, так и со странами *ABCD* (*America, Britain, China, Dutch*), то теперь «северный» сценарий терял свою актуальность. Во-первых, СССР был союзником Великобритании, а фактически и США, поддерживавших и Лондон, и Москву; нападение на СССР могло привести к войне с его союзниками. Во-вторых, сколь бы не была заманчивой возможность захвата советских территорий в условиях успехов немецкого наступления лета – осени 1941 г., это не решало вопрос с нефтью, без которой ни флот и армия и что ещё более важно, экономика, не могли существовать.

В августе 1941 г. Коноэ заявил о своей готовности встретиться с Рузвельтом, однако его предложение было вежливо, но твёрдо отклонено. Дальнейшее ухудшение отношений привело к падению его кабинета. 18 октября 1941 г. новым премьером был назначен генерал Тодзэ Хидэки, а министром иностранных дел либерал Того Сигэнори, в задачу которого входило формальное продолжение переговоров с американцами. В ноябре на совещании у императора было принято решение начать войну с США в случае, если Вашингтон продолжит настаивать на выводе японских войск из Индокитая и не отменит эмбарго на поставки нефти.

21 октября 1941 г. Того направил инструкции послу Номура. Расшифрованный текст телеграммы одновременно оказался на рабочем столе госсекретаря. В послании Того говорилось: «Наша страна практически сказала всё, что она хотела сказать и разъяснила свою позицию. Мы считаем, что достигнута точка, когда ничего нельзя сделать при условии, если Соединённые Штаты не пересмотрят свою позицию» [17, р. 1055].

20 ноября, через три дня после своего прибытия в Вашингтон, посол Курусу передал Хэллу предложение о достижении модус вивенди в Юго-Восточной Азии и Южной части Тихого Океана на основе замораживания там военной активности. По сути, японское предложение сводилось к прекращению американской помощи Китаю и восстановлению американо-японской торговли, включая поставки нефти, в обмен на призрачное обещание «вывести войска из французского Индокитая в случае достижения мира между Японией и Китаем» [15, р. 802].

25 ноября 1941 г. Рузвельт, Хэлл, министр обороны Генри Стимсон и руководство армии и флота обсудили складывающуюся ситуацию. Выдвинутое японскими послами требование о том, чтобы США прекратили помощь Китаю и восстановили торговлю с Японией, было отвергнуто Вашингтоном. Токио ответил решительным отказом на встречный американский план о выводе войск из Китая и замораживании сотрудничества Японии с Германией и Италией в рамках Тройственного союза. Переговоры практически провалились, и обе стороны поняли неизбежность войны.

Американцам было известно, что пять японских дивизий были погружены на корабли, которые направились на юг в сторону Нидерландской Индии. Из перехваченных шифровок было известно, что премьер-министр Тодзё информировал Номура о том, что «война начнётся раньше, чем ожидалось и начнётся она не на севере, а на юге». Американцы полагали, что 6 декабря японцы нанесут первый удар по перешейку Кра в Малайе. Рузвельт был готов к войне, но хотел, по его собственным словам, сказанным министру финансов Генри Моргентау, чтобы «его втолкнули в ситуацию» [21, р. 208]. Он не хотел первым начинать войну, но был уверен в её неизбежности, хотя и не слишком ясно представлял её будущие масштабы.

На следующий день Хэлл обратился к министру обороны Стимсону со словами: «Я умываю руки и теперь всё в ваших руках, в руках Нокса*, армии и флота» [33, р. 389]. Ещё через день предупреждение о возможности войны было разослано всем американским военным частям в Тихоокеанском регионе.

26 ноября ранним утром в обстановке секретности и полного молчания радио японский флот покинул залив Хитокаппу в восточной части острова Итуруп и взял курс на Гавайи. Окончательное решение о войне ещё не было принято, но Япония была к ней готова. Командовавший флотом** адмирал Нагумо Тюити должен был подвести флот в район Пёрл-Харбора и ждать радио сигнала к атаке.

* Фрэнк Нокс – министр ВМС в администрации Рузвельта.

** В составе Объединённого флота было шесть авианосцев, два линкора, два тяжелых и два легких крейсера, восемь эсминцев, три танкера и вспомогательное судно.

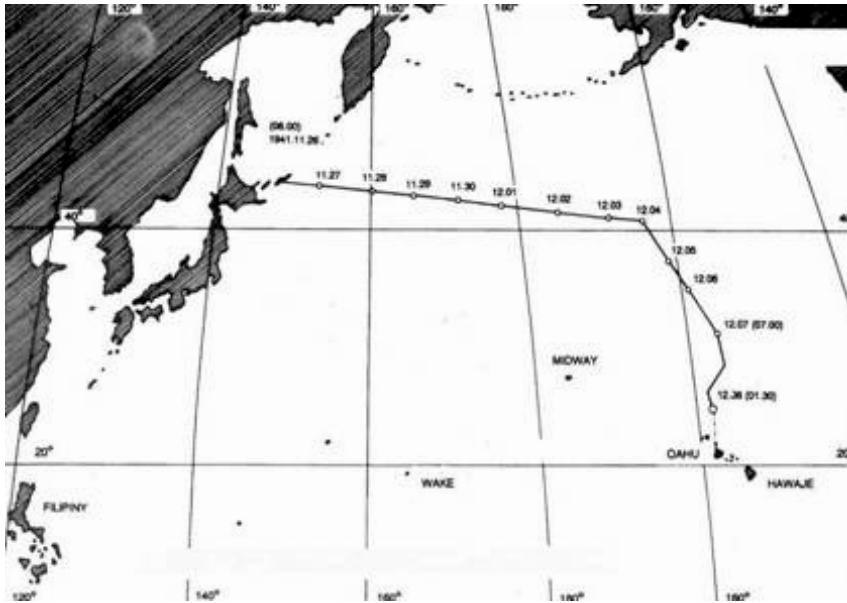
1 декабря 1941 г. на совещании в созданной в ноябре 1941 г. ставке император утвердил окончательное решение об ударе по Пёрл-Харбору. Администрации США было хорошо известно, что в тот же день в посольства Японии в Вашингтоне и Лондоне поступила шифровка из Токио с приказом «срочно сжечь коды и уничтожить все шифровальные машины». В декабре 1941 г. политика сдерживания в отношении Японии потерпела крах в силу того, что решение начать войну перевесило решение отказаться от вступления в неё. По определению начальника штаба ВМС адмирала Нагано Осами, «Япония напоминала человека, страдающего от серьёзного заболевания. Операция, несмотря на её крайнюю опасность, вселяла некоторую надежду на спасение жизни» [26, с. 4005]. Подводя итоги дискуссии, в начале декабря 1941 г. премьер-министр Тодзио доложил императору, что «у империи нет альтернативы началу войны» [18, с. 263].

Хотя американский историк флота С. Морисон назвал японское решение начать войну с США «стратегическим слабоумием» [8, с. 499], на деле это было далеко не так. Осенью 1941 г. японцы оказались перед непростым выбором между экономическим крахом в результате американского эмбарго и потерей тех территорий, которые Япония захватила за последние 10 лет.

В случае войны эти потери, возможно, удалось бы отсрочить и получить возможность, хотя и достаточно призрачную, заключить мир с Соединёнными Штатами до того момента, когда американская экономика полностью встанет на военные рельсы. В пользу второго варианта говорила и японская убежденность в том, что американцы не слишком готовы воевать как с точки зрения готовности экономики так и психологически. Кроме всего прочего, Гитлер 21 ноября обещал японцам, что в случае их удара по США, Германия объявит войну Соединённым Штатам и вынуждена будет воевать и в Атлантике и на Тихом океане.

Со своей стороны, Рузвельт и его администрация хорошо понимали неизбежность войны с Германией в Атлантике и на Европейском театре. Что касается Японии, то в Вашингтоне исходили из того, что США не допустят захвата ею Нидерландской Индии, но военное столкновение с Японией будет носить локальный характер.

Приняв решение начать войну с США, в Токио осознавали, что делать это необходимо до того, как США поставят свою экономику на военные рельсы и закончат свои военные приготовления в Тихоокеанском регионе. За два месяца до нападения на Пёрл-Харбор один из авторов плана захвата Гавайев адмирал Ямамото Исороку писал: «США не прекратят борьбу, даже если мы будем побеждать. В итоге война будет продолжаться несколько лет, во время которых наши материальные ресурсы будут исчерпаны, кораблям и вооружениям будет нанесён ущерб, восполнить который можно будет лишь с трудом. В конце концов, мы не сможем противостоять Соединённым Штатам» [5, с. 277]. После того как США передислоцировали часть своего флота в Пёрл-Харбор, а на Филиппины были переброшены бомбардировщики В-17, было очевидно, что этот процесс начался. Рассчитывать на ведение длительной войны с американцами японцы не могли и хорошо это понимали. Удар по Пёрл-Харбору определялся

Маршрут японского флота из залива Хитокаппу (залив Касатка) к Пёрл-Харбору

военным расчётом на то, что урон, нанесённый американскому флоту, ослабит желание США вести продолжительную войну с Японией.

В воскресенье 7 декабря в 22 часа 15 минут по токийскому времени американское посольство в Токио получило послание президента Рузвельта императору Японии и просьбу как можно скорее довести его до сведения адресата. Послание отмечало традиционную дружбу между народами США и Японии, но единственным конкретным предложением американской стороны было предложение вывести японские войска из Индокитая под гарантии того, что США, Китай и соседние страны воздержатся от вмешательства в конфликт. Посол Грю настаивал на немедленной встрече с министром иностранных дел Того. Встреча состоялась в половине первого ночи по токийскому времени уже 8 декабря, и министр обещал передать послание императору.

Соблюдая протокол, перед тем как обратиться к лорду-хранителю печати Кидо Коити с просьбой об аудиенции, Того проинформировал премьер-министра Тодзио о содержании послания. Поскольку американское предложение, по сути, повторяло предложение США от июля 1941 г., которое было отвергнуто тогдашним премьер-министром Коноэ, премьер лишь спросил, нет ли в послании каких-либо уступок и получив негативный ответ, сказал, что послание ничего не меняет. В 3 часа ночи, когда до момента нападения на Пёрл-Харбор оставалось не более получаса, император принял Того и выслушал послание президента США и подготовленный ответ, одобренный премьер-министром. Император согласился с документом, и на этом аудиенция была закончена.

Вернувшись в министерство в половине пятого утра, Того получил телефонограмму об успешном нападении на Пёрл-Харбор [4, с. 376–377]. Одновременно японская авиация бомбила Сингапур, тихоокеанские острова Гуам, Уэйк и Давао на Филиппинах. По словам адъютанта императора Дзё Эитиро, «весь

этот день император ходил в военно-морской форме и был в прекрасном настроении» [7, р. 437].

В 7 часов утра посол Грю был разбужен срочным вызовом в МИД Японии и уже через полчаса встретился с министром, который сообщил ему о том, что Япония не видит смысла в продолжении переговоров. Того поблагодарил посла за его усилия в деле укрепления дружбы между Японией и США, но дал ему понять, что встреча президента с императором невозможна. Министр проводил Грю до машины, и посол уехал, так и не узнав о том, что война уже началась. По его собственным воспоминаниям, он собирался переодеться и ехать играть в гольф. Только вернувшись в посольство, он узнал о случившемся. В 11 утра полиция окружила посольство, а представитель МИД привёз официальную ноту об объявлении войны. В Вашингтоне посол Номура появился в кабинете госсекретаря с нотой об объявлении войны через полчаса, после того как первые бомбы упали на Пёрл-Харбор.

Список литературы

1. *Зимонин В.П.* Последний очаг второй мировой. М.: МО РФ, 2002. 544 с. .
2. История США. Т. 3: 1918–1945. М.: Наука, 1985. 672 с.
3. *Кошкин А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.
4. *Того Сигэнори.* Воспоминания японского посла. М.: Новина, 1996. 521 с.
5. *Acheson Dean.* Present at the Creation. New York: W.W. Norton Inc. 1969, 798 p.
6. *Asada Sadao.* From Mahan to Pearl Harbor: The Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis (MD): Naval Institute Press, 2006.
7. *Bix Herbert.* Hirohito and the Making of Modern Japan. New York: Perennial, 2000. 814 p.
8. Borg Dorothy and Okamoto Shumpei (ed.), Pearl Harbour as History, Japanese-American Relations 1931-1941. New York: Colombia University Press, 1973. 801 p.
9. *Cornell John.* The Air Force on the Eve of World War II // Air Force Magazine. October 2007. Vol. 90. No. 10.
10. *Fox John.* Germany and the Far Eastern Crisis, 1931-1938. Oxford University Press, 1982. 464 p.
11. FRUS. Informal US-Japanese Conversations, 1941. Papers Related to the Foreign Relations of the United States, Japan: 1943-1941. Vol. II.
12. FRUS, 1939. Relations of Japan with the AXIS Powers and With the Soviet Union (102).
13. FRUS, Foreign Affairs, 1940. 680 p.
14. FRUS, Foreign Affairs, 1941. 729 p.
15. FRUS, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan 1931-1941. Vol. 2. 548 p.
16. *Grew Joseph.* Ten Years in Japan. New York: Simon and Schuster, 1944. 554 p.
17. *Hull Cordell.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. New York: The Macmillan Company, 1948. 1823 p.
18. *Ike Nobutaka* (ed.). Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, 1967. 306 p.

19. *Iriye Akira*. *Across the Pacific*. New York: Harcourt, Brace & World, INC, 1967. 361 p.
20. *Iriye Akira*. *The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific*. London & New York: Longman, 1987. 202 p.
21. *LaFebr Walter*. *The Clash. U.S.-Japanese Relations Throughout History*. New York: W.W. Norton & Co., 1997. 508 p.
22. Morley James W. (ed.). *Deterrent Diplomacy: Japan, Germany, and the USSR, 1935-1940*. New York: Columbia Univ Press, 1967. 363 p.
23. Morley James W. (ed.). *The Fateful Choice. Japan's Advance into Southeast Asia*. New York: Columbia Univ Press, 1980. 366 p.
24. *Nimmo William F*. *Stars and Stripes Across the Pacific*. Westport: Praeger Publishers (CT), 2001. 277 p.
25. *Peace and War. United States Foreign Policy 1931-1941*. Washington: Department of State, 1943, 851 p.
26. *Pearl Harbor Attack Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack*. Washington, 1946.
27. *Prange Gordon W* with *Goldstein Donald M* and *Dillon Katherine V*. *Pearl Harbor: The Verdict of History*. New York: McGraw-Hill, 1986. 699 p.
28. *Record Jeffrey*. *Japan's Decision for War in 1941: Some Enduring Lessons*. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College, Carlisle (PA). February 2009.
29. *Richardson James*. *On the Treadmill to Pearl Harbour*. Washington: Naval Historical Division, Department of the Navy, 1973. 558 p.
30. *Roosevelt Franklin*. *Fireside Chat, 3.09.1939*. The American Presidency Project (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=15801>).
31. *Sagan Scott D*. *The Origin of the Pacific War // Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 18. No. 4. Spring 1988.
32. Sontag Raymond James and Beddie James Stuart (ed.). *Nazi-Soviet Relations, 1939-1941*. Documents from the Archives of the German Foreign Office, Department of State, 1948.
33. *Stimson Henry* and *Bundy McGeorge*. *On Active Service in Peace and War*. New York: Harper and Brothers, 1947.
34. *Toland John*. *The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936-1945*. New York: Random House, 1970, 954 p.
35. Tucker Spencer (ed.) *Encyclopedia of World War II: A Political, Social, and Military History*. Santa Barbara (CA): ABC-Clío, 2005. 1541 p.